

Глава 12. Обида и замешательство

Глядя на статного мужчину перед собой, Тан Лофань почувствовал, как бесследно улетучивается усталость безумного рабочего дня и глухое раздражение от бесконечного лавирования между двумя старшими братьями.

— Здравствуйте, одноклассник Линь.

Он легко, почти невесомо подошёл ближе.

— Похоже, предыдущее занятие вам всё-таки понравилось, раз вы решили взять дополнительные часы.

Лофань в шутливом упрёке сощурился и негромко фыркнул:

— А ведь в прошлый раз вы ушли и даже не попрощались толком, да ещё и напугали меня напоследок. Совершенно не уважаете своего учителя, одноклассник Линь.

Хэ Хуай отложил альбом с репродукциями и посмотрел на юношу.

В облике Тан Лофаня по-прежнему не было ни тени робкого трепета. Он держался свободно, непринуждённо, чуть вскинув подбородок с мягким, едва уловимым торжеством. На его бледном лице сияла открытая, тёплая улыбка, а в лучистых глазах плясали живые искорки.

Словно первый утренний луч, пробившийся сквозь тяжёлый свинец грозовых туч, этот парень разгонял сгустившуюся вокруг серость. На душе у Хэ Хуая стало чуточку легче — давящая, копившаяся днями хмурость невольно отступила.

Впрочем, внешне Хэ Хуай остался безучастным.

— Выдалась свободная минута, только и всего, — глухо отозвался он, сохраняя привычную холодность. — Не будем тратить время попусту. Давайте начнём.

«Какая глыба льда. Вечно он такой неприступный»

Тан Лофань лишь непринуждённо пожал плечами.

Вспомнив, как после прошлого урока коллега по студии разглядывала хаотичные, мрачные мазки этого странного ученика и говорила о глубоко подавленном стрессе, Тан Лофань решил зайти издалека:

— Одноклассник Линь, у вас что-то случилось? На работе или дома? Если хотите, можете поделиться со мной прямо во время рисования. Поверьте, это здорово помогает выпустить пар.

Хэ Хуай на секунду замер. В его взгляде проскользнула острая, колючая настороженность зверя, чью тщательно охраняемую территорию внезапно нарушили.

— Я прихожу сюда работать у мольберта, а не вести пустые разговоры, — ледяным тоном отрезал он.

Тан Лофань опешил.

«Да у него, похоже, действительно тяжёлый случай»

Улыбка мгновенно сошла с лица юноши. Он слегка надулся и недовольно пробормотал:

— Такой красивый мужчина, а разговаривать вежливо так и не научился. Я ведь просто хотел помочь вам сбросить это напряжение, разговорить вас. Ладно, не хотите — как хотите. Изливайте свою душу на холст, расспрашивать больше не стану.

С этими словами он демонстративно отвернулся к подрамнику и принялся поправлять крепления, стараясь говорить подчёркнуто деловым, сухим тоном:

— Приступим к занятию. Что будем писать сегодня? Снова набросать для вас контуры, чтобы вы заполнили их цветом, или у вас есть другие пожелания?

«Обиделся?»

Хэ Хуай скользнул взглядом по его плотно сжатым губам и нахмуренным бровям. В груди шевельнулось странное, непривычное доселе чувство.

Возможно, он действительно высказался слишком резко. Но Хэ Хуай никогда не отличался деликатностью в общении. В его мире вежливость считалась слабостью, и он привык говорить жёстко, не заботясь о чужой ранимости.

Никто прежде не смел выказывать недовольство его тоном. Напротив, люди вокруг раболепно заглядывали ему в рот, пряча за фальшивыми улыбками готовность при первой же возможности вонзить нож в спину. А этот юноша не кривил душой. Его обида была искренней, детской и совершенно чистой — настоящим, живым лицом в лабиринте масок.

Взгляд Хэ Хуая смягчился. Он приоткрыл рот, намереваясь что-то сказать, но вовремя осёкся, не зная, как загладить неловкость. Вместо этого он хмуро перевёл взгляд на темнеющий за окном пейзаж. За окном студии медленно сгущались сумерки.

— Нарисуем город, — наконец глухо произнёс он. — Каким его видно сквозь панорамное окно тридцать восьмого этажа в час заката.

— Город с высоты птичьего полёта? — Тан Лофань по-прежнему не поворачивал головы. — Что ж, на такой набросок уйдёт какое-то время. Придётся вам подождать.

Он взял остро заточенный карандаш и решительными, уверенными движениями начал наносить первые линии на чистый холст. Юноша был сосредоточен и предельно серьёзен.

Когда Тан Лофань улыбался, его лицо словно озарялось изнутри, становясь мягким и тёплым. Но сейчас, затихнув, он казался совсем другим. Строгая линия плеч, сосредоточенный взгляд, чётко очерченный волевой подбородок — во всём его облике проступала неожиданно зрелая, холодная решимость.

«Всё ещё злится»

Хэ Хуай молча наблюдал за его руками. Тонкий грифель оставлял на белом полотне уверенные серые штрихи, и в сонной тишине студии стоял лишь мерный, успокаивающий шорох карандаша по зернистой ткани.

И в этой тишине Хэ Хуай впервые в своей жизни ощутил полное, глухое замешательство.

<http://bllate.org/book/20617/2131335>